онные (удовлетворение уже имеющихся желаний) и «поисковые» (желание испытать новый опыт как некоторая самостоятельная ценность) причины. В первом случае создание виртуальной личности выступает как компенсация недостатков реальной социализации. Такая виртуальная личность может существовать как «для себя», осуществляя идеал «Я» или, наоборот, реализуя деструктивные тенденции пользователя, так и «для других» - с целью произвести определенное впечатление на окружающих. Во втором случае виртуальная личность создается для расширения уже имеющихся возможностей реальной социализации, получения нового опыта.

Виртуальная личность более раскованна, является более эпатирующей и менее социально желательной по сравнению с реальным, и тем более, по сравнению с идеальным «Я».

Очевидно, что для того, чтобы конструировать виртуальные личности, нужно не только быть в принципе способным видеть себя как потенциального исполнителя различных ролей, но и хотеть исполнять эти роли. Желание конструировать виртуальные личности может быть связано с тем, что реальность не предоставляет возможностей для реализации различных аспектов «Я», или же, что действительность может быть слишком «ролевой», слишком нормативной. Это порождает у человека желание преодолеть нормативность, что ведет к конструированию ненормативных виртуальных личностей. В частности, это может проявляться в конструировании виртуальных личностей другого пола, нежели их обладатель, или вообще бесполой. В реальном обществе существуют определенные нормы, которые предписывают человеку определенного пола соответствующее этому полу поведение. В виртуальном обществе человек может быть извращен от того, чтобы демонстрировать социально желательное для своего пола поведение, презентировавшись в сети как лицо противоположного пола. То есть, если реальное общество ограничивает возможности самореализации человека, у него появляется мотивация выхода в сеть и конструирования виртуальных личностей. Если же человек полностью реализует все аспекты своего «Я» в реальном общении, мотивация конструирования виртуальных личностей у него, скорее всего, отсутствует.

Тимирова Л.Н., г. Уфа

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ГОРОДСКОЙ БАШКИРСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗОВ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)

Активизация процессов глобализации и урбанизации, в результате которых происходит размывание границ между своей и чужой культурой, поглощение и подмена национальных традиций традициями другой культуры, разрушение национальных особенностей, нивелировка этнокультурной специфики и т.д., приводит к значительным проблемам культурной самоидентификации личности. Эти процессы наиболее сильно затронули городскую молодежь, доминирующими ценностями которой стали ценности западной потребительской культуры, ценности же, характерные духовной культуре своего народа отошли на второй план, что подтверждается и различными социологическими исследованиями. В среде городской молодежи наблюдаются тенденции культурной ассимиляции, выражающейся в плохом владении родным языком, национальной культурой и слабом национальном самосознании.

Одним из объективных критериев принадлежности личности к конкретному этносу является степень владения национальным языком. По мнению большого количества ученых, языковая ассимиляция является решающим фактором этнокультурной ассими-

ляции, поскольку языку отводится одна из решающих ролей в формировании национального самосознания[1]. Поэтому процесс утраты родного языка, особенно среди горожан, не может нас не тревожить. По данным этносоциологического опроса 1993 г. думают на родном языке 23,4 % городских башкир, свободно говорят – 47,8 %, а думают на русском языке 22,3 % городских башкир, свободно говорят – 66,2 %, то есть степень владения русским языком у городских башкир несколько выше, чем башкирским[2]. Результаты Всероссийской переписи населения 2002 г. также показывают, что русским языком владеют 93,0 % башкир, а башкирским 74,7 %, то есть одна четвертая башкирского населения не знает родной язык.

Опрос студентов башкирской национальности технических вузов Республики Башкортостан подтвердил, что знание родного языка выше у выходцев из села, чем у горожан. Так, родной язык знают отлично, то есть владеют разговорной речью, литературным и научным языком, а также могут писать и читать на родном языке, всего 17,0 % респондентов, из них 53,3 % выходцы из села. Все ответившие, что знают родной язык плохо (10,2 %), либо не знают вообще (6,8 %), являются горожанами. Среди сельских респондентов доля владеющих башкирским языком удовлетворительно (то есть понимают хорошо, однако испытывают затруднения в изложении своих мыслей), умеющих читать и писать, свободно владеющих литературным, научным языком заметно выше, чем среди горожан. Это может быть связано с тем, что на селе традиционно культурные ценности менее подвержены трансформации в силу малой динамичности социальных процессов и отсутствия необходимости принципиальных социальных и культурных изменений.

По мнению М.Д. Кисебаева, такая ситуация складывается и в связи с тем, что в процессе воспитания городской башкирской молодежи сказывается влияние «русскоязычной» городской среды: даже родители – выходцы из сельской местности с высокой степенью знания родного языка со своими детьми, родившимися в городе, общаются уже на русском языке[3].

Нельзя не отметить, что утрата национального языка приводит к заметному снижению интереса и к народной культуре. При этом культура народа, его литература и искусство являются одними из специфических средств, которые формируют определенную идеологическую, нравственную основу этнического сознания и несут ключевую нагрузку в этом процессе. Национальная культура способствует жизнедеятельности этноса, прочности его социальных связей, способности развиваться в определенной направленности, сохраняя устойчивость и жизнеспособность[4]. Она играет большую роль в формировании духовности членов этнической общности, их жизненных установок.

Как показывают проведенные нами исследования, большинство студентов башкирской национальности технических вузов РБ считают, что для формирования полноценного интеллигентного человека необходимо знание национальной культуры (85,2 %), в то время как, оценили свое знание национальной истории, культуры, литературы как плохое 11,4 %, удовлетворительное – 43,2 %, хорошее – 37,5 %, отлично – 4,5 %, не знают – 3,4 % респондентов.

Однако хотя важность знания национальной культуры и подчеркивается большинством студентов в вузов РБ, среди сельчан их доля выше (91,7 %), чем среди горожан (84,2 %), кроме того, только среди горожан нашлись те, кого затруднил данный вопрос (6,25 %). В дополнение к сказанному хотелось бы добавить, что 3,4 % респондентов не знающих свою культуру, историю, литературу являются горожанами, а из 4,5 % оценивающих свои знания как отличные 75,0 % выходцев из села. Таким образом, городская

молодежь знает национальную культуру хуже, чем сельская.

Заслуживает внимания и тот факт, что хотя большая часть респондентов считают, что они неплохо знают башкирскую культуру, тем не менее, назвать её представителем смогла лишь крайне малая доля студентов. То есть, даже понимая необходимость знания культуры своего народа, молодые люди мало внимания уделяют её изучению, что может быть обусловлено не только их личным индифферентным отношением к национальной культуре, но и пассивностью в вопросах приобщения молодежи к культуре своего народа членами семьи, образовательных учреждений, СМИ и других активных агентов социализации. Н. Смелзер по этому поводу писал: «Поскольку культура не приобретается биологическим путем, каждое поколение воспроизводит её и передает следующему поколению. В результате усвоения ценностей, верований, норм и идеалов происходит формирование личности. Если бы процесс социализации прекратился, это бы привело к гибели культуры.»[5].

Таким образом, можно отметить, что у городской башкирской молодежи наблюдается тенденция, ведущая к утрате культурной идентичности, что связано, во-первых, с воздействием городской молодежной субкультуры с её прозападными ценностями, во-вторых, с некорректным отношением к формированию у подрастающего поколения этнической идентификации со стороны семьи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Костина А.В. Глобализация и ее социокультурные аспекты // Глобальное пространство культуры: Материалы международного научного форума 12-16 апреля 2005 г. – СПб.: Центр изучения культуры, 2005. – С. 35; Зарипов А. Я., Файзуллин Ф.С. Этническое сознание и этническое самосознание. – Уфа: Гилем, 2000. 113-114; Зинурова Р.И. Этническая социализация молодежи. – Казань: КГУ, 2004. – С. 303 и др
2. Кнекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. – С.90
3. Кнекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность. – Уфа: Нур-Полиграфиздат, 1998. – С.90
4. Абузарова Н.А. Влияние национальной культуры на формирование духовности // Городские башкиры: проблемы языка и культуры, здоровья и демографии: Материалы III Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию рождения Салавата Юлаева (23 апреля 2004г.) – Уфа, 2004 – С. 128
5. Смелзер Н. Социология. – М.: Феникс, 1994. – С. 43

Комарова Н.С., г. Каменск-Уральский

КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Современные исследователи, социологи, психологи связывают молодежную культуру со сферой досуга. Именно то, как молодые люди проводят свое свободное время, зачастую влияет на их культурные нормы и предпочтения. Молодые люди объединяются в группы в соответствии со своими интересами, создают новые субкультуры. Внутри каждой субкультуры возникают свои взаимоотношения, свои интересы и взгляды.

В отечественной социологии существует множество исследований посвященных данной проблематике. Как показывают результаты этих исследований, ныне в молодежном досуге обостряется серьезное противоречие: с одной стороны, налицо объективные предпосылки для роста культурных запросов молодых. У нового поколения выше уровень образования, молодежь более урбанизована. Происходит становление иного отношения к культуре, когда главное видится не только в освоении все большего